

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

По известной статистике, Великая Отечественная война унесла около 27 млн. жизней граждан Советского Союза. Из них около 10 миллионов – солдаты, остальные – старики, женщины, дети. Но статистика молчит о том, сколько детей погибло в годы Великой Отечественной войны. Таких данных просто нет.

Дети войны натерпелись от нее не меньше, чем бойцы на фронте. Попранное войной детство, страдания, голод, смерть рано сделали ребятшек взрослыми, воспитав в них недетскую силу духа, смелость, способность к самопожертвованию, к подвигу во имя Родины, во имя Победы.

Дети воевали наравне со взрослыми и в действующей армии, и в партизанских отрядах. И это были не единичные случаи. Таких ребят, по данным советских источников, во время Великой Отечественной войны были десятки тысяч. Многие из них заслужили боевые ордена и медали, а четверо: Марат Казей, Валя Котик, Зина Портнова, Леня Голиков – стали Героями Советского Союза.

На «детском фронте» воевали как мальчики, так и девочки. Особенно массовым он был в Белоруссии. В частях и подразделениях на фронте вместе с бойцами и командирами нередко воевали подростки 13-15 лет. В основном это были дети, лишившиеся своих родителей, в большинстве случаев убитых или угнанных немцами в Германию.

Дети, оставшиеся в разрушенных городах и сёлах, становились беспризорными, обречёнными на голодную смерть. Страшно и трудно было остаться на оккупированной врагом территории. Детей могли отправить в концлагерь, вывезти на работы в Германию, превратив в рабов, сделать донорами для немецких солдат и т.д.

Кроме этого, немцы в тылу совсем не стеснялись и со всей жестокостью расправлялись с детьми.

Часто ради развлечения группа немцев на отдыхе устраивала себе разрядку: бросали кусок хлеба, дети бежали к нему, а вслед им – автоматные очереди. Сколько детей погибло из-за таких забав! Опухшие от голода дети могли что-то взять съестное у немца – и тут же очередь из автомата. И наелся ребенок навек!

В тылу дети изо всех сил помогали взрослым во всех делах: участвовали в противовоздушной обороне – дежурили на крышах домов во время вражеских налетов, строили оборонительные укрепления, собирали черный и цветной металлолом, лекарственные растения, участвовали в сборе вещей для Красной Армии, работали на воскресниках.

Сутками трудились ребята на заводах, фабриках и производствах, встав за станки вместо ушедших на фронт братьев и отцов. Дети трудились и на оборонных предприятиях: делали взрыватели к минам, запалы к ручным гранатам, дымовые пашки, цветные сигнальные ракеты, собирали противогазы. Работали в сельском хозяйстве, выращивали овощи для госпиталей. В школьных мастерских пионеры шили для армии белье, гимнастерки. Девочки вязали теплые вещи для фронта: варежки, носки, шарфы, шили кисеты для табака. Ребята помогали раненым в госпиталях, писали под их диктовку письма родным, ставили для раненых спектакли, устраивали концерты, вызывая улыбку у измученных войной взрослых мужчин.

У детей изменились игры. Появилась новая игра – в госпиталь. В больницу играли и раньше, но не так. Теперь раненые для них – реальные люди. А вот в войну играли реже, потому что никто не хотел быть фашистом. Эту роль выполняли деревья. В них стреляли снежками. Научились оказывать помощь пострадавшим – упавшим, ушибленным.

В связи с гибелью родителей в стране появилось много беспризорных детей. Советское государство, несмотря на тяжелое военное время, выполняло свои обязательства перед детьми, оставшимися без родителей. Для борьбы с безнадзорностью была организована и открыта сеть детских приемников и детских домов, организовано трудоустройство подростков. Многие семьи советских граждан стали брать к себе на воспитание детей-сирот, где они обрели себе новых родителей.

ДЕТИ ВОЙНЫ

«Проклинаю

Так и хочется крикнуть вслед уносящимся в небытие годам: «Чуть помедленнее, время!».

А они бегут и бегут, унося за собой ветеранов самой страшной войны 20-го столетия. Да что там ветераны! Дети той войны уже стали седыми! Но в их памяти, в их цепкой детской памяти и сегодня всплывают картины суровых военных лет.

Этот рассказ составлен на основе воспоминаний Эдуарда Ивановича Лыманюка, которого знают многие жители Промышленновского района. Знают как преподавателя Вагановской и Прогресской школ, как работника партийного аппарата и советских органов, директора Титовского дома культуры и, конечно, как активного участника художественной самодеятельности.

Везде, где он бывал, его песня покоряла сердца слушателей. Через пение Эдуарда Ивановича люди чувствовали его душу и сразу признавали в нём друга. Песня вела его по жизни.

Великая Отечественная война отняла у него и тысяч его ровесников детство. Вместо мальчишеских забав Эдуард познал унижение и страх фашистской оккупации.

Эта проклятая война обрушилась внезапно, как гром среди ясного неба. Поначалу необычная утренняя суматоха в маленьком украинском городке Вознесенске для пацанов даже была любопытной. Вместо ясного солнца и привычного городского шума – трассирующие снаряды, гул самолётов, длинные прерывистые гудки паровозов, сирены цехов льняной фабрики, объятые заревом пламени и чёрны-

ми клубами дыма, ещё урчание автомобилей, метавшихся по кривым и узким улицам, лай собак. Лаяли они с подвыванием, как по покойнику.

Детскую душу Эдуарда резанул плач матери и соседских женщин. Это был не просто плач – разноголосый вой, как у ночных собак!

Война! О ней маленький городок узнал раньше, чем объявили о нападении фашистов на СССР, через хриплые репро-

дукторы, висевшие на кривых столбах.

Через два дня отец Эдуарда обнял на прощание жену. Та, пытаясь сдержать слёзы, упала на плечо мужа, всхлипывала со стоном. Четырёхлетний Эдуард и его двухлетний братишка Валентин, не понимая происходящего, интуитивно обхватили ноги отца и зашлись детским рёвом.

Говорят, в таком возрасте невозможно запомнить детали происходящего. Это говорят те, кто не был в этом содоме. Цепкая детская память и страх от увиденного, пережитого совершенно меняют эти догмы.

В памяти Эдуарда – вереницы пеших беженцев, женщин и стариков, повозки, гружённые наспех собранным скарбом, испуганные ребяташки, сидящие на возах, на плечах усталых матерей или плетущиеся за ними, держась за подолы.

Потом нестройные ряды запыхавшихся, усталых бойцов нашей армии, понурых и сердитых, обмотанных окровавленными бинтами, молча уходящих по пыльной, искорверканной воронками дороге на восход солнца. Далее неизвестность и тишина...

– Эй, киндер, ком! Шнель!

– Хриплый гортанный возглас, похожий на собачий лай, заставил нас с братом, – вспоминал Эдуард Иванович, – замереть на полуобгоревшей поляне, где мы искали свои новые «игрушки» – гильзы от винтовки и пулемётов.

С друзьями детства. Эдуард - первый справа. 1952-1953 г. Украина.

свастику!»

Оглянувшись на голос, мы увидели перекошенные брезгливостью лица фашистов и стволы винтовок. Нас с Валентином как ветром сдуло. Бежали под хохот немцев, подобный ржанию табунных жеребцов.

Добежали до первых тальников, нависших над ручьём, под яр, упали в прибрежную осоку, прижались друг к другу. Это была первая встреча с теми, кто четыре года издевался над людьми, оказавшимися в фашистской оккупации.

Только вечером мы почти ползком добрались до хаты. Мама, обняв нас, всхлинула и строго сказала: «Диты мои, шалости ваши кончались. Нема життя под игом супостатив. Ни видлчайтесь с хаты без спросу, ибо, потеряв вас, я сгину в одночасье!».

На другой день на нашем подворье поселились немцы. Ради нас, детей, мать стирала им бельё, варила пищу, терпела грубость и издевательства. Немцы занимались грабежом в городке и окрест, забирали у населения живность, продукты и лошадей для снабжения наступающих фашистских частей.

Однажды, вернувшись с очередного грабежа, они устроили пьянку. Спьяну устроили стрельбу по нашей кошке. Она, бедная, заскочила на яблоню, но немцы палили не переставая. Я кинулся её выручать. Мама за мной. Не знаю, как не перебили нас тогда.

Любимой забавой у оккупантов была такая: мама топил печку, готовит еду, а они незаметно накидают в огонь патроны. Патроны начинают рваться, мама от страха и неожиданности не знает, куда прятаться, а они хохочут как жеребцы.

Может, мы и остались бы в этом городке пережить войну, но кто-то из знакомых сообщил матери о том, что наш отец находится в плену, в лагере для военнопленных под Харьковом. Немцы якобы отпускают тех, за кого поручатся их родственники. При условии, что освобождённые будут работать на новую власть,

на немцев. Узнав об этом, мама со старшей дочерью Юлей, собрав последние харчи и ценные вещи вплоть до иконной лампадки, отправилась вызволять отца. Около трёх недель они потратили на поход в лагерь, но привели израненного, немощного отца домой.

Мать выходила его. Оправившись, отец устроился работать на железнодорожную водокачку. Там связался с партизанским подпольем. До глубокой осени 1941 года работал под надзором местных полицейских, выполняя поручения подполья. В один из октябрьских дней его предупредили, что ночью будет облава. Недолго думая, отец с матерью спрятали нас с Валентином у соседей, а сами ушли из города. Через два дня водокачку взорвали партизаны.

Больше месяца мы ничего не знали о родителях. В одну из тёмных холодных декабрьских ночей мать с отцом приехали за нами на волах. Быстро посадили в бестарку, прикрыли хлябём и повезли.

Всю дорогу я плакал и жаловался на боль в животе, а оказалось, что у меня отмёрзли руки. Только под утро привезли нас в село Александрово-Акацатово. Устроились в домике родственников. Но спокойно жить немцы и их приспешники и здесь не дали.

Весной 1942 года немцы расстреляли соседских ребятшек за то, что их родители помогали партизанам. В этот же день в нашу хату ворвался один из карателей и начал палить по печке-лежанке, где мы с братом, от страха ни живые ни мёртвые, прятались в тряпье. Слава Богу, обошлось.

Жили в постоянном страхе облав и насилия. Юлю, старшую сестру, дважды угоняли в Германию. И дважды их вагоны отцепляли партизаны.

Выживали по-всякому. Больше всего благодаря маме, поистине героической женщине, великой труженице и добрейшему человеку. Ради нас, детей, она ходила по соседним деревням и хуторам с мольбой подать Христа ради на пропитание, меняла последнее на ку-

сок хлеба. Я помню, по весне, когда немного оттаивала земля, мы выкапывали мёрзлую картошку, из которой мама умудрялась приготовить что-то съедобное. Когда же и этого не было, она и летом, и зимой забредала в речку, доставала со дна ракушки, дома обливала их кипятком, потрошила и варила подобие супа.

Веселее было весной, когда появлялась зелень. Переходили на подножный корм.

Сегодня горько об этом вспоминать, но мы выжили! Чувство голода постоянно и долго преследовало нас. Выжили назло фашистским оккупантам, вопреки страху смерти. И тем радостней был тот солнечный мартовский день 1944 года, когда мы услышали долгожданное: «Наши идут!». Все, кто были в деревне, выскочили на улицу – оборванные, голодные, со слезами радости на глазах!

Красноармейцы шли через наш огород. Улыбались, трепали пацанов по щекам и вихрастым макушкам. Один из них не выдержал нашего измождённого вида и взгляда голодных глаз, снял с плеча вещмешок и отдал его со всем содержимым маме. Спасибо доброму русскому солдату! До самой смерти не забуду вкус того солдатского пайка и штаны, которые мама сшила из вещмешка. Три года их носил! Другие ребяташки мне завидовали.

Фронт ушёл далеко на запад. Наша семья переехала в село Любомирка Песчано-Бродского района Кировоградской области. Следы войны – везде. Разрушенные дома, полностью сожжённые деревни, голые, почерневшие от копоти печки среди поля и карканье ворон... Это не стирается из памяти.

Германский фашизм отнял моё детство и детство моих сверстников. Более того, он отнял жизни миллионов детей! Я проклинаю фашистскую свастику и тех, кто сегодня пытается возродить нацизм!

**Зинаида
ЛЫМАНЮК,
с. Титово.**

«Война в сотни раз страшнее, если видеть ее детскими глазами... И никакое время не сможет вылечить раны от войны, тем более детские. «Эти годы, что были когда-то, горечь детства забыть не дает...»

Эдуард с подругами. Украина. 1953-1954 г.

Семья Лыманюков на дне рождения сына Сергея. 1973 год.
Сестры Юля, Татьяна, Тамара с детьми, брат Валентин.
В центре - мама, Ксения Герасимовна.